

В.А. Мединцев

Вопросы интеграции психологического знания в контексте «тектологии» А. Богданова

С В Е Д Е Н И Я О Б А В Т О Р Е

Аннотация. Подходы к разработке теоретической проблематики интеграции психологического знания остаются дискуссионными по существу (нужна ли интеграция) и по методологии её осуществления. Перспективным направлением исследований интегративной проблематики является использование теоретических моделей высокой степени абстракции, на котором возможно описание явлений, в том числе процессов, различных масштабных уровней. Одной из разработок этого направления является «всеобщая организационная наука» А. Богданова. В статье показано, как её принципы и понятийный аппарат могут быть использованы при создании теоретических моделей интеграции психологического знания.

Ключевые слова: процесс, тектология, конъюгация, ингрессия, цепная связь, математическое множество, интеграция психологического знания.

В научном знании оформлены, в том числе семиотически, представления об изменениях в мире, в частности об интеграционных и дезинтеграционных процессах, – описания этих процессов в их разнообразных концептуализациях существуют во многих философских системах. Общенаучный характер проблематики интеграции/дезинтеграции как изменений, происходящих в структурах, помимо философии, особенно ярко проявился в разработках методологического направления, за которым закрепились названия «системный подход» или «общая теория систем» (хотя последняя, строго говоря, так и не построена). В философии и в системологических концепциях материалом для осмысления и научного описания являются как природные процессы (от макро- до микромира), так и те, которые протекают в человеческих сообществах. При этом одним из дискуссионных остаётся вопрос

научной обоснованности применения законов, выявленных для процессов в объектах (или между объектами) одного рода к процессам в объектах другого рода. И, хотя безупречного ответа на этот вопрос пока нет, само развитие современной науки, в частности совершенствование и использование системного подхода, можно считать свидетельством перспективности построения *общенаучных* теоретических моделей.

Обратимся к одной такой теории, которую есть основания считать первой в ряду исследований по теориям систем – к *тектологии*, которую её автор А. Богданов рассматривал как *всеобщую организационную науку*. При её разработке был широко использован эмпирический материал различных научных отраслей и дисциплин того времени (начало 20 в.), на котором показаны общие закономерности процессуальных изменений, происходящих в культуре и вне её.

Концептуализация процессов интеграции в тектологии

Идеи А. Богданова критиковали ещё его современники, критика продолжается и в наши дни. Нет сомнения в том, что во многом критика эта обоснована, однако, как известно, не существует теорий, в том числе признаваемых сегодня авторитетными, неуязвимых для критики. Тем не менее теоретический дискурс Богданова востребован и сейчас, как представляется, благодаря тому, что в достаточной мере отвечает требованиям к научным теориям: *внутренним совершенством и внешним оправданием* (это знаменитое эйнштейновское положение остаётся актуальным).

Прежде, чем перейти к изложению основных положений тектологии отмечу, что содержания всех введённых Богдановым понятий так или иначе связаны с процессами и их характеристиками. Это заявлено уже в самом начале книги: «Мы видим, что человеческая деятельность – от простейших до наиболее сложных ее форм – сво-

дится к организующим процессам» [3, с. 70]. Относительно разрушительной деятельности сказано, что она является результатом столкновения разных организационных процессов, т.е. их видом. Считая, что «природа – великий первый организатор; и сам человек – лишь одно из её организованных произведений» [там же, с. 71], – автор приводит примеры организационной процессуальности «неживой природы»

В тектологии выстроен анализ организационного опыта, т.е. опыта изучения мира как мира организующих и дезорганизующих процессов. В представленной Богдановым исторической ретроспективе формирование научного знания показано как сочетание процессов специализации и интеграции. Их связь он описывает многократно и разнообразно, в том числе так: «... житейская мудрость не только ненаучна по форме, но и глубоко застойна по своей основной тенденции, принадлежит прошлому и стремится сохранить его; по

отношению к ней специализация выступает как прогрессивная линия жизни. Однако, разбивая монизм наивный и консервативный, она же вызывает зарождение иного монизма, научного и прогрессивного, который жизненно выше её настолько же, насколько она сама выше народной тектологии.» [там же, с. 94]. Специализация организационного опыта является проявлением прогресса и ему способствует, однако проявляющееся при специализации расхождение методов влечёт за собой и негативные последствия: поскольку каждая отрасль опыта идет своими особыми путями, и они всё более отдаляются. Это проявляется, в частности в том, что:

- общение между отраслями уменьшается, что ведет к их ещё большему взаимному отдалению;
- методы одной отрасли не подвергаются влиянию методов другой, между ними не происходит заимствований;
- в каждой отрасли постепенно формируется

особенный язык: сходные соотношения в них выражаются различно, одинаковые слова получают совершенно разное значение

Негативными общенаучными результатами специализации организационного опыта, как отмечает Богданов, становится то, что: «Располагая по отдельности лишь ничтожной частью накопленных в обществе приемов и точек зрения, не имея возможности выбирать из них и комбинировать их наилучшим образом, специалисты не справляются с непрерывно накапливаемым материалом, не в силах стройно и целостно организовать его. Получается нагромождение материала во всё более сыром виде, нередко подавляющее количеством. Усвоение делается всё труднее и вынуждает дальнейшее дробление отраслей на ещё более мелкие, с новым сужением кругозора и т. д. Это давно было замечено передовыми учеными и мыслителями, которые и вели борьбу против «цеховой узости», главным образом в области науки.» [там же, с. 97].

Другая тенденция, признаки которой можно обнаружить во все исторические периоды, но особенно она усилилась, по наблюдениям А. Богдана в 19 веке, состояла в том, что происходило «общение между отраслями»: взаимопроникновение методов, перенесение методов за пределы областей, в которых они были выработаны. Методологический анализ таких процессов закономерно приводит к выводу: «Перенесение методов вполне объективно и непреложно доказывает возможность их развития к единству, к монизму организационного опыта» [там же, с. 98]. Отмечена даже определённая закономерность интеграционных актов: «Всякий шаг, приближающий к такому единству, встречает сначала ожесточённое сопротивление большинства специалистов, – история науки даёт тому массу примеров; и затем, когда объединительная идея одерживает победу, принимается массой специалистов, то они в свою очередь с энергией и успехом разрабатывают её, но это несколько не уменьшает их сопротивления следующему шагу» [там же]. Онтологической

предпосылкой интеграционных процессов (формированию «объединяющих схем», по Богданову) являются универсальные закономерности в природных феноменах, – что отражено в работах представителей различных философских школ и продемонстрировано в исследованиях многих поколений естествоиспытателей.

В структуре *основных организационных механизмов* представлены механизмы *формирующие* и *регулирующие*. Проявления и составляющие этих механизмов автор иллюстрирует множеством примеров механических трансформаций, химических реакций, а также управленческих, экономических, социокультурных, психологических и др. взаимодействий. Основой формирующего механизма назван процесс соединения комплексов – **конъюгация**. Автор приводит многие примеры таких процессов, в частности [там же, с. 144]:

- сотрудничество, и всякое иное общение;
- соединение понятий в идеи;

- встреча образов или стремлений и поле сознания
- сплавнение металлов, и электрический разряд между двумя телами;
- обмен предприятий товарами;
- связь нашего мозга с отдаленнейшей звездой, когда мы видим её в телескоп, и с наименьшей бактерией, которую мы находим в поле зрения микроскопа.

Обобщая, Богданов пишет: «Следовательно, с научной точки зрения результатом конъюгации вообще является система из преобразованных конъюгировавших комплексов.» [там же, с. 149]. Он выделяет такие основные типы конъюгационных процессов:

1. Активности комплексов при соединении дают предельный положительный результат. Пример: правильное сложение усилий работников при выполнении общей работы.

2. Активности одного комплекса становятся со-

противлениями для активностей другого, полностью парализуют их. Пример: противоположно направленные и равные усилия работников не приводят к ожидаемому результату.

3. Два комплекса соединяются так, что их элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями. Например, те же работника вступают в сотрудничество, комбинируя свои усилия, в чём-то помогая, в чём-то мешая друг другу.

Понятно, что два первых типа являются теоретическими абстракциями, а третий подходит для описания всех реальных процессов конъюгации. Его вариантом является объединение посредством общих звеньев в механизме *цепной связи*. О последней сказано так: «... цепная связь есть форма нашего мышления об организованных комбинациях: мы не можем представлять их иначе, как принимая наличность общих звеньев между их различаемыми частями, и если таких звеньев не находим, то вынуждены конструировать их

мысленно.» [там же, с. 155]. Приведены и примеры:

– два человека объединяются в сотрудничестве, их объединяет общая цель;

– образ *A* влечет за собой в поле сознания образ *B*, потому что у них есть общая часть *X*; *B*, в свою очередь, вызывает *C*, потому что в том и другом есть элемент *V*, иной, чем *X*; и т.д.;

– два или несколько тонов образуют консонанс в том случае, если у них совпадают некоторые из ближайших обертонов.

В ряде случаев цепная связь может быть установлена путём *ингрессии* – метода посредствующих комплексов. Пример – уже упомянутый случай общей цели при выполнении совместной деятельности. Акт ингрессии может быть осуществлён различными способами, однако должен привести к «обогащению двух психик новыми ассоциациями» [там же, с. 155]. Из приводимых Богдановым иллюстраций выделяю математическую: математические задачи представляют собой

нахождение промежуточных звеньев для связывания данных величин (например *X* реализует математическую связь уравнения). Нахождение промежуточных звеньев между какими-нибудь крайними образует основное содержание математического доказательства теорем, построений, которые служат для него. То же, как утверждает Богданов, можно отнести к другим наукам, которые практикуют схематизацию в виде доказательства своих положений. Также сказано о *социальной и мировой ингрессии*, в частности: «Единство социальной организации складывается из бесчисленных и разнообразных связей между членами общества; среди этих связей основными и преобладающими являются отношения ингрессии» [там же, с. 185]. И далее: «Современное общество состоит из классов и социальных групп, во многом резко враждебных друг другу; но поскольку они говорят одним языком, поскольку у них есть общие для всех них понятия, постольку это классы и группы одного общества» [там же, с. 186]. Такое понимание

формирования социальных групп во времена создания «Тектологии» было далеко не ново, принципиальная новизна состояла в том, что и эти хорошо известные явления достаточно убедительно вписывались в разработанную Богдановым понятийную систему организационной науки. Впрочем, мне представляется, что примеры ингрессии в социальных взаимодействиях недостаточно проработаны. В частности, остаётся неясно, кто или что является агентом ингрессии новых компонентов в различные социальные структуры, в результате которых формируется общий язык и общие понятия.

В современных трудах по социальной психологии, рассматривать которые здесь нет возможности и необходимости, представлены детализированные описания интеграционных и дезинтеграционных процессов, в том числе таких, которые соответствуют описываемых Богдановым процессов *конъюгации, образования цепных связей и ингрессии*. То же можно сказать и об описаниях

процессов государственного строительства. Вне зависимости от форм и типов государственного устройства, описываемых в марксистском формационном подходе, цивилизационном подходе Дж. Тойнби и др. (см., например, [5]), в их формировании и развитии можно выделить процессы конъюгации, которые происходят путём образования цепных связей и различных видов ингрессий.

Помимо *механизма формирующего*, в работе Богданова приведено описание *механизма регулирующего*. Это обобщённое название для трёх типов процессов, в которых происходит сочетание интеграционных и дезинтеграционных изменений.

1. Консервативный подбор. Это «...схема подбора, в которой дело идет только о сохранении организационных форм или их несохранении» [там же, с. 197]. Одной из иллюстраций процессов этого типа являются динамические изменения в обществах: из вновь возникающих человеческих групп, отношений и идей сохраняются те, которые соответствуют постоянным и общим условиям жизни

определённой общественной структуры – распадаются те, «которые в противоречии с ними». Те же процессы, полагает Богданов, происходят и в мышлении: «Размышление, обдумывание, решение вопросов заключаются именно в том, что из множества комбинаций, вступающих в поле мышления, одни принимаются как “удачные” или “истинные”, другие отвергаются как “ошибочные” и “ложные”» [там же, с. 194].

2. Подвижное равновесие. Сохранение форм является результатом того, что каждое из возникающих изменений уравнивается ему противоположным. Рассматривая этот тип, Богданов обращает внимание на условность при использовании понятия «равновесие»: с одной стороны, в равновесных процессах всегда можно выделить интеграционные и дезинтеграционные составляющие, с другой – любой равновесный процесс на большем временном отрезке оказывается наравновесным. Что вполне соответствует и современной физической картине мира.

3. Прогрессивный подбор. Речь идёт о прогрессии только как непрерывном ряде событий. Это подбор «положительный при возрастании суммы активностей комплекса, т. е. перевесе ассимиляции над дезассимиляцией, и отрицательный при уменьшении суммы активностей, т.е. преобладании дезассимиляции» [там же, с. 202]. Таким образом, в этом типе также учтены два вида противоположно направленных процессов, а среди примеров – рост живой клетки в благоприятной среде, дающей для неё перевес питания над расходом вещества и энергии, но постепенное уменьшение состава клетки в среде, бедной питательными веществами; количественный и функциональный рост общества, когда производство в нём превосходит потребление и его упадок («уменьшение суммы социальных активностей») в обратном случае.

Полагаю, что в целом описываемые типы процессов актуальны в современной научной методо-

логии и применимы для моделирования подавляющего большинства известных культурных, в том числе познания, и внекультурных процессов. Относительно познания в основных утверждениях логика Богданова такова: без обобщения нет познания; обобщение всегда основано на ингрессии, обусловленной конъюгацией; следовательно, процессы ингрессии лежат в основе всякого познания. В частности, он пишет о таких инструментах познания как научная полемика и «опровергающая критика». И в том, и в другом случае некоторый комплекс, входящий в одну си-

Понятия тектологии в контексте теории множеств

Наиболее универсальные описания *организационных процессов* (то есть всех процессов, как их трактовал Богданов) в культуре и природе можно получить на основе наиболее абстрагированных их презентаций – математических. Однако даже в рамках этого направления разработки интеграци-

стему, связывается с другой и тем самым отделяется от первой, поскольку между ними есть расхождения.

Теоретическая модель тектологии обширна и в ряде компонентов довольно подробно детализирована. Но, поскольку задача состоит не в её анализе, а в выделении в этой теории составляющих, которые связаны с обобщёнными описаниями интеграционных процессов, то имеет смысл сравнить их с вариантом более общего описанием таких процессов.

онной проблематики возможны различные подходы и, соответственно, конкуренция методов, предложенных на основе этих подходов. В частности, разработку указанной проблематики можно вести с применением инструментария теории множеств, часть из которого удобно продемонстрировать *кругами Венна–Эйлера*. Интересно, что

уже в содержании и названии этого математического инструмента реализован вариант интеграции, поскольку в математике известны и *круги Эйлера*, и *круги Венна*. Кратко о кругах Венна: «Для графической иллюстрации отношений, которые могут иметь место между подмножествами какого-либо универсального множества U , часто используют так называемые диаграммы Венна. Диаграмма Венна представляет собой схематическое изображение множеств в виде точечных множеств» [14, с. 25]. Не вдаваясь в математические тонкости, приведу основное отличие кругов (диаграмм) Эйлера и Венна: «... круги Эйлера возникают в традиционной силлогистике для ее нужд

<...> Диаграммы же Венна создаются для обслуживания математической логики, и лежащая в основе их идея – идея разложения на конstituенты – является одной из центральных в алгебре логики» [8, с. 25]. В интегральной форме, как круги Венна-Эйлера, их широко используют в различных разделах математики и прикладных исследованиях.

Проблематику интеграции, в частности различных понятийных систем психологии, можно представить такими кругами. На Рисунок 1, который часто используют для иллюстрации, показаны *все пересечения греческого, русского и латинского алфавитов* (см. источник по ссылке).

Рисунок 1.

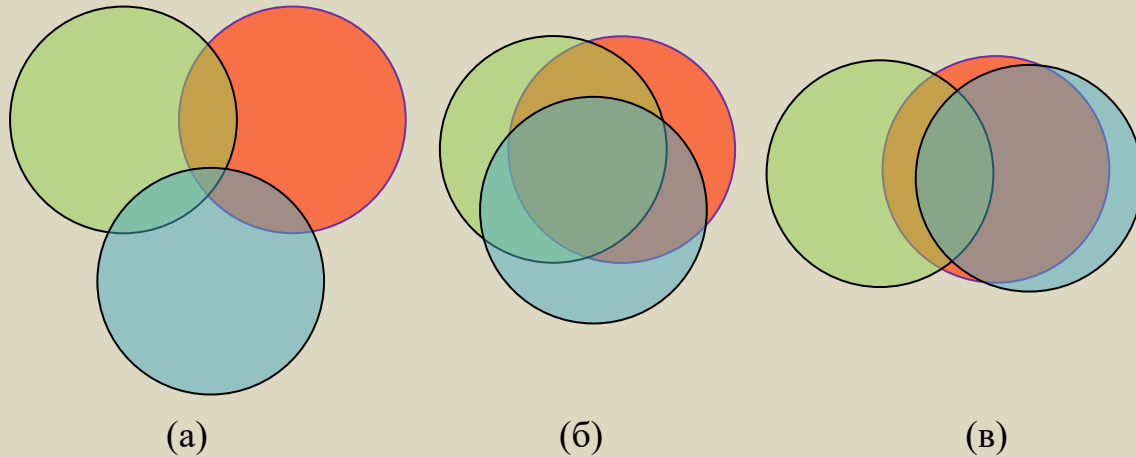
Пусть буквы различных алфавитов являются символами психологических понятий, составляющих теоретические модели в трёх направлениях психологии. Тогда область пересечения всех трёх множеств содержит общие понятия, используемые во всех этих направлениях. Наличие этой области является основанием считать все три направления составляющими одной науки. Кроме общих для всех направлений понятий, как правило, существуют понятия, общие для пар направлений – их

может быть больше (см. область I, N, Z, K) или меньше (область C). Соответственно, и различных понятий может быть больше или меньше. Подчеркну, что этот пример нельзя рассматривать в качестве иллюстрации интеграции понятийных систем *на различных языках*, для таких случаев нужны более тонкие инструменты описания.

Кругами Венна-Эйлера также часто иллюстрируют основные отношения и операции над множествами (объединения, разность, дополнение и др).

В вариантах пересечения множеств, показанных на Рисунок 2., есть области пересечения всех трёх

множеств, при этом они различны по мощности (т.е. по числу общих компонентов).

Если, как и выше, каждое из множеств (каждый круг) считать средоточием понятийных систем различных научных дисциплин, то очевидно, что

Рисунок 2.

в варианте (б) есть больше оснований рассматривать отдельные дисциплины или направления как ветви одной науки, чем в вариантах (а) и (в). Кроме

того, возможны различные соотношения между парами – множеством общих для них понятий. Так, в варианте (а) общих понятий для каждой пары дисциплин заметно больше, чем для всех трёх. Можно также обратить внимание на то, что в варианте (в) две понятийные системы (красный, синий) могут отличаться незначительно, притом что в третьей большая часть понятий являются специфическими. Таким образом можно исследовать степень интегрированности или дезинтегрированности наук, научных дисциплин, направлений и т.д.

Эти же примеры пересечений множеств можно использовать для описания как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов: первые можно проиллюстрировать изменениями, которые происходят в последовательности этапов (а) → (б), вторые – в последовательности (б) → (а). Примем во внимание также и то, что в процессах интеграции могут происходить, помимо указанных,

и другие изменения компонентов. К примеру, интеграция в схематизме (а) → (в) сопряжена с существенным изменением отношений интегрируемых множеств: пересечение синего и красного заметно увеличивается, также растёт число общих элементов зелёного и красного. Этот схематизм является более общим для описания процессов интеграции научных направлений, дисциплин и т.п., поскольку в них, как правило, происходят также и внутренние изменения, связанные с их развитием, в том числе расширения понятийных систем. Таким образом схематизмы возможных сочетаний пересечений множеств можно использовать в типологизации интеграционных процессов.

Описываемые Богдановым процессы конъюгации, в их наиболее абстрагированной форме, можно представить через операции над множествами. При разработке интеграционной проблематики особый интерес представляют процессы, описываемые Богдановым как акты ингрессии

(см. *выше*). Представим их через операции над множествами (Рисунок 3.). Пусть имеется три непересекающиеся множества, два из которых (зелёный и красный круги) необходимо сделать пересекающимися путём ингрессии третьего (синий), см.

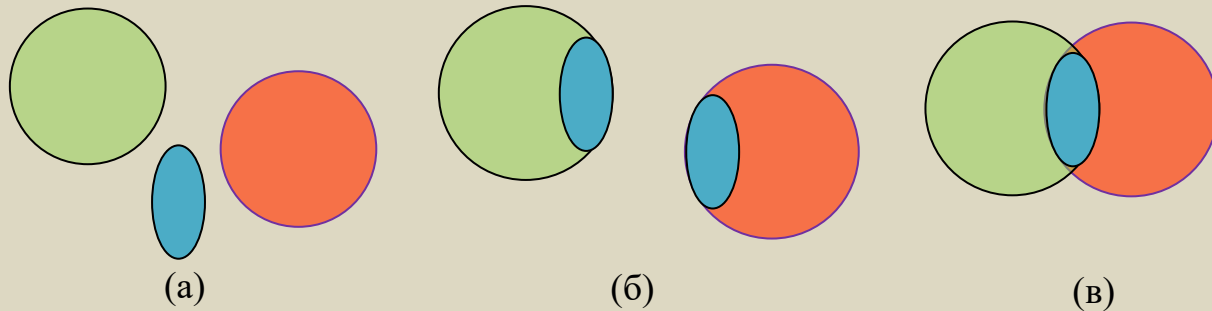

Рисунок 3.

Получаем два пересекающихся множества (v), что и требовалось. Таким образом можно составить описание интеграции любого числа множеств, которыми представлены теоретические конструкты научных направлений, дисциплин и т.п. При этом

(а). Тогда актом ингрессии в состав первых двух множеств вводим третье, при этом происходит увеличение мощности первых двух на число элементов третьего, см. (б).

надо иметь в виду, что в таком схематизме учтены только понятийно-терминологические элементы (одинаковые или различные для множеств), но не их отношения. В процессах интеграции, в более об-

щих случаях, могут происходить и изменения отношений элементов теоретических моделей, для

учёта которых необходимо более детальная концептуализация.

Стихийная и целенаправленная интеграция

При разделении явлений на стихийные и целенаправленные, как и при рассмотрении любого предмета научного познания, важно определиться, на каких философских и методологических основаниях будет построен анализ. В частности, различение стихийной и целенаправленной интеграции можно проводить по признаку наличия или отсутствия агента в этих процессах, а также соответствия или не соответствия процесса намерениям этого агента. В философии и на материалах различных научных дисциплин можно видеть многообразные сочетания стихийных и целенаправленных процессов в природе и в культуре. Так что характеристика какого-либо процесса как исключительно стихийного или целенаправленного является научной абстракцией, – в каждом

конкретном случае речь может идти либо об их соотношении, либо о наличии ещё неизвестных факторов одного или другого рода.

В тектологии, **как было показано выше**, соединение комплексов – конъюгация – рассмотрено в качестве основного формирующего механизма, действие которого состоит в объединении посредством общих звеньев с образованием *цепных связей*. В ряде случаев цепная связь может быть установлена путём *ингрессии*, т.е. внедрения в связываемые комплексы связующих комплексов. Притом что явно эта мысль не высказана, но из приводимых примеров конъюгации можно сделать вывод о том, что механизм цепной связи Богданов относит к природным процессам, а ингрессию – к таким, в которых действует агент. Иначе говоря, при интеграции *стихийной* происходит

спонтанное образование *цепных связей*, а *целенаправленная интеграция* совершается в актах *ингрессии*.

Представляет методологический интерес соотношение понятий стихийной и целенаправленной интеграции, с одной стороны, с описываемым Богдановым *регулирующим механизмом* – с другой (о нём [см. выше](#), а также [3, с. 197]). Действие этого механизма состоит в сочетании интеграционных и дезинтеграционных процессов (Богданов использует термины *ассимиляция* и *дезассимиляция*). Понятно, что во всех трёх выделенных типах регулирующего механизма могут сочетаться и спонтанные, и целенаправленные процессы. Регулирующий механизм составляют три вида процессов, в числе которых *консервативный* и *прогрессивный подбор*, описание этих механизмов, полагаю применимо для трактовки, в частности, процессов развития научного знания в периоды его роста. Под последним я подразумеваю накопление науч-

ных наблюдений и теорий, а также «...повторяющееся ниспровержение научных теорий и их замену лучшими и более удовлетворительными теориями» [13, с. 325]. Исходя из этого, процессы отбора из накапливаемых наблюдений наиболее достоверных и существенных, а также более совершенных теорий можно охарактеризовать как проявление механизма *консервативного* подбора, а результирующее количественное прибавление и совершенствование компонентов научного знания – как *прогрессивный* подбор.

Исследователи истории и тенденций развития психологической науки описывают стихийную интеграцию, которая происходит в ходе исторического процесса развития психологического знания, и целенаправленную – как результат специальной деятельности психологического сообщества (см. [9] и др.). Так, на примере изменения взглядов гештальтпсихологов на процессы мышления В. Мазиллов показывает общие закономерности стихийных интеграционных процессов

в психологии, которые проявляются в тенденции к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и, шире, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. В результате психологическая концепция выходит за рамки одной научной школы, что закономерно, поскольку постижение психики во всей её сложности вступает в противоречие с начальными теоретическими установками, – при этом происходит и развитие психологического знания в целом [там же]. Подобные идеи высказаны и во многих работах других авторов, приводить которые здесь нет необходимости. Поскольку междисциплинарные взаимодействия уже давно рассматривают как эффективный инструмент получения нового знания, то формируются всё новые сферы таких взаимодействий. И любой исследователь, который находит возможность достижения новых результатов в своей научной дисциплине за счёт привлечения отдельных теоретико-методологических инструментов из другой, в том числе далеко не смежной, дисциплины тем самым, даже не задумываясь об

этом, осуществляет локальный процесс стихийной интеграции.

Интеграция целенаправленная – от теории и практики искусственного ядерного синтеза, до формирования межгосударственных объединений – так же, как и стихийная, является неотъемлемой составляющей человеческой культуры. Проблемы, связанные с интеграцией знания, существенно разнятся в естествознании, человековедении и гуманитаристике, но в той или иной степени остаются непреодоленными, причём во всём их концептуальном диапазоне – от постановки вопроса, необходима ли интеграция, до выбора способов её достижения. Значительный вклад в разработку комплекса проблем интеграции психологического знания внесён в работах В. Мазилова [9; 10; 11; 12], В. Янчука [15; 16; 17 и др.], к вопросам интеграции обращаются и западные исследователи, которые в ряде случаев рассматривают их в новых ракурсах и предлагают неожиданные решения [18; 19; 21; 22; 23]. В исследованиях Г. Балла и В. Мединцева модернизация научной

коммуникации и выработка стратегий универсализации представления знаний рассмотрены как необходимые составляющие подхода к решению проблем интеграции психологического знания [1; 2; 20].

К сказанному стоит добавить, что каждая из уже существующих теоретических моделей психики или её составляющих является в той или иной мере интегративной – в ней обобщён опыт предыдущих теоретических описаний психики, и она рассчитана на использование в качестве универсальной формы описания. Таковы, в частности, многие широко известные психологические теории личности; из недавних разработок уместны примеры *интегративно-экзистенциального* подхода (см. [6; 7]) и представление о структуре любой теории личности как о логическом

единстве компонентов метафизического и эмпирического базисов опыта [4].

В заключение отмечу, что даже при сравнительно небольшом объёме исследований, связанных с интегративной проблематикой психологического знания, постепенно «вызревает» новая проблема: формируется некоторое *множество* подходов этого направления, что противоречит исходной постановке задачи. Таким образом, сторонникам интеграционных процессов в психологической науке теперь предстоит решать и более общую методологическую задачу – привести существующие теории интеграции к логически релевантному виду описания как компонентов одной системы или, возможно, выбрать из них наиболее перспективную.

Выводы

Вопросы интеграции психологического знания – от принципиальной возможности и необходимости, до методов осуществления – при их углублённом рассмотрении с неизбежностью приводят к проблемам, обсуждаемым в философии культуры и науки как подсистемы последней. Обладая ограниченным влиянием на социокультурные тенденции развития психологической науки, можно, однако, проводить подготовительную теоретико-методологическую работу по обеспечению возможной в будущем интеграции. Такую работу желательно начинать с высокого уровня описания предполагаемых интеграционных процессов. В статье показаны возможности использования для такого описания понятийного аппарата «всеобщей организационной науки» (тектологии), разработанного А.А. Богдановым. Основные выводы из проведённого исследования таковы.

1. При разработке проблематики интеграции

психологического знания может оказаться полезным выделение процессов высокого уровня описания – формирующих и регулирующих (у Богданова формирующий и регулирующий механизмы).

2. Основой процессов *формирующего механизма*, по Богданову, является *конъюгация* – процесс соединения комплексов. Это понятие в основном соответствует содержанию современного понятия *интеграция*, в том числе в гуманитарной сфере его использования. Два вида осуществления *конъюгации* – *цепная связь* и *ингрессия* – применимы для описания различных интеграционных процессов. При этом процессы *цепной связи* можно рассматривать как основной механизм стихийной, а *ингрессии* – целенаправленной интеграции научного, в частности психологического, знания.

3. Описываемый Богдановым *регулирующий механизм* организационных процессов сочетает в себе интеграционные и дезинтеграционные процессы, то есть является по отношению к ним механизмом более высокого уровня. В зависимости от характера сочетания указанных процессов, выделены три типа: *консервативный подбор*, *подвижное равновесие* и *прогрессивный подбор*. Процессы отбора наиболее достоверных и существенных из накапливаемых наблюдений, а также более совершенных теорий можно охарактеризовать как проявление механизма *консервативного* подбора, а результирующее количественное прибавление и совершенствование компонентов научного знания – как *прогрессивный* подбор.

4. Более универсальные и детальные описания *организационных процессов* можно получить на основе их математических презентаций. В частности, разработку указанной проблематики можно вести с применением инструментария теории множеств. Элементы таких множеств могут быть различного уровня обобщения – от психологических понятий до дисциплин и направлений научной психологии. Рассматриваемые Богдановым, а также многие другие виды интеграционных и дезинтеграционных процессов могут быть представлены через операции над множествами, что, в частности, может служить одним из подтверждений научности *тектологии*.

Литература

1. Балл Г.А., Мединцев В.А. Модернизация научной коммуникации: актуальные проблемы и подходы к их решению / Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Труды VII Междунар. научно-практич. конференции. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – Ч. 1.
2. Балл Г.А., Мединцев В.А. Стратегии универсализации представления человековедческих знаний // Россия: Тенденции и перспективы развития. – Вып. 7. – Ч. II. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 668–673.
3. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1./Редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР.– М.: Экономика, 1989.– 304 с.
4. Бреусенко-Кузнецов А.А. Метафизическая традиция в психологии личности: Монография. – К.: Логос, 2016. – 384 с.
5. Гринин Л.Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории / История и современность, 2006, №1. С. 3-45.
6. Завгородняя Е. Личность: интегративно-экзистенциальный подход. LAP Lambert Academic publishing, s.Saarbrucken, Deutschland, 2014. 99 с.

7. Завгородня О.В. Особистість: екзистенційно-інтегративне трактування // Психологія і особистість. 2012. №1. С. 39–53.
8. Кузичев А.С. Диаграммы Венна. История и применения. М.: Наука, 1968. 249 с.
9. Мазилев В. А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы. Монография. Ярославль: МАПН, 2008. 112 с.
10. Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
11. Мазилев В.А. Интегративные тенденции в методологии психологической науки // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 90–96.
12. Мазилев В.А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 3. С. 186-194.
13. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс. 1983. 604 с.
14. Столл Р. Множества, логика, аксиоматические теории. М.: Мир, 1968. 231 с.
15. Янчук В.А. Методолого-теоретические основания интеграции психологического знания в традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал. 2005. № 3, с. 3-12.
16. Янчук В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С.

- Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. – М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016, с. 317-324.
17. Янчук В.А. Четырехмерное пространство постижения психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива. Методология современной психологии. Вып.5 // Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. - М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2015, с. 293–312.
 18. Saccio J.T. The structure of psychology // APS Observer. 2007. #20. P. 50–51.
 19. Cleeremans A. The grand challenge for psychology: integrate and fire! // *Frontiers in Psychology*, 22 April 2010. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2010.00012>
 20. Medintsev V.A. Prospects for psychological knowledge integration. In V. Medintsev (Ed.) *Theoretical research in psychology*. Vol. II. (pp. 74–96.) Kharkov: Monograph, 2017.
 21. Spellman B.A. A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*, 2015. #10(6). P. 886-899.
 22. Valsiner J. Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2009. #43. p. 1–21.
 23. Wettersten J. Integrating Psychology And Methodology: How Can Psychology and Methodology Be Integrated? // *Journal for General Philosophy of Science*. 1990. #21. P. 293–308.

V. Medintsev

Questions of psychological knowledge integration in the context of A. Bogdanov's «tectology»

Abstract. Approaches to the development of theoretical problems of psychological knowledge integration remain debatable as essentially (whether integration is needed) so on the methodology of its implementation. A promising area of research on integrative problems is the use of theoretical models of a high degree of abstraction, where it is possible to describe phenomena, including processes, various large-scale levels. One of the developments in this direction is the "universal organizational science" by A. Bogdanov. The article shows how its principles and conceptual apparatus can be used to create theoretical models for the integration of psychological knowledge.

Keywords: process, tectology, conjugation, ingression, chain connection, mathematical set, psychological knowledge integration.

В.О. Медінцев

Питання інтеграції психологічного знання
в контексті «тектології» О. Богданова

Анотація. Підходи до розробки теоретичної проблематики інтеграції психологічного знання залишаються дискусійними по суті (чи потрібна інтеграція) і по методології її здійснення. Перспективним напрямком досліджень інтегративної проблематики є використання теоретичних моделей високого ступеня абстракції, на якому можливо опис явищ, у тому числі процесів, різних масштабних рівнів. Однією з розробок цього напрямку є «загальна організаційна наука» О. Богданова. У статті показано, як її принципи та поняттєвий апарат можуть бути використані при створенні теоретичних моделей інтеграції психологічного знання.

Ключові слова: процес, тектологія, кон'югація, інгресія, ланцюговий зв'язок, математична множина, інтеграція психологічного знання.
